

Из сборника
«Одностиший»

Не шлет ответа клуб самоубийц...
Когда наш — не шпион, а разведчик!
Гордыней не страдал, а наслаждался!
Уж если изменять —
так сразу многим!
«Гоп» не кричал — так,
молча перепрыгнул.
Скажите, девушка...
А впрочем, лучше молча.
Не прерывай меня на полусло...!
Не йог я. Так, выживаюсь просто.
Нет, я не грустная. И я не Лена.
Ты выдаешь жемчужины маразма!
Куда ты наливаешь — это бонги!
Да нет, мы рады, что вы, блин,
сюда приперлись!
У нас хоронились такие клиенты!
А где указ, о чем нам можно думать?
Мы — глубоко поверхностные люди!
В жилет мне плакал,
а потом сморкался.
Какая я Арефьева? Я Оля!

Ольга АРЕФЬЕВА: Мой рецепт счастья — Питер, зима, самокат...

КОРРЕСПОНДЕНТ «ВП» ПОГОВОРИЛ С ПЕВИЦЕЙ О ПОЭТИЧЕСКИХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ЖАНРАХ, О ЧУВСТВЕ ЮМОРА И О ТОМ, КАК ТВОРЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК ИДЕТ НА УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЗОВ

Об Арефьевой (трудно поверить!) начали говорить еще в конце 80-х годов прошлого века. В 1987-м она стала лауреатом конкурса «Юрмала». В 90-м приняла участие в легендарном фестивале «Рок-акустика» в Череповце, где выступали Майк, «ЧайФ», Янка Дягилева. В 95-м выпустила альбом «Батакакумба», ставший новым словом в российской рок-музыке, песни из которого — «Дорога в рай», «Скорее пой» — до сих пор удивляют своей остротой и свежестью. В начале 2000-х Ольга занялась импровизационными тренингами, которые охватывали голос, речь, тело. Тогда же создала визуальный театр «Kalimba». В настоящее время продолжает писать песни, заниматься современным танцем и даже писать книги.

ОДНОСТИШИЯ — ОЧЕНЬ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЖАНР

— Ольга, на недавнем концерте в Петербурге вы презентовали свой сборник стихов — «Иноходец». Расскажите, что это за книга.

— Это сборник, в который вошло около 350 стихотворений разных лет. Еще десять лет назад я хотела издать книгу детских стихов, но не получилось. И вот прошли годы, у меня вышло две книжки — «Одностиший» и «Смерть и приключения Ефросиньи Прекрасной». Они несколько раз переиздавались, издатели уже понимали, что с моими книгами все будет хорошо. И мы наконец смогли осуществить старую затею, причем уже на новом уровне — стихотворений за эти годы стало гораздо больше. Кроме того, что-то я переделала, отшлифовала, посмотрела свежим взглядом. И еще — нарисовала иллюстрации! В целом получилось уже не только для детей. Но настроение внутреннего ребенка в этой книжке определенно осталось.

— В вашей книге «Одностиший» собрано больше тысячи этих самых одностиший. Вы продолжаете сочинять их до сих пор. Вообще это довольно редкий и необычный вид самовыражения. А в чем смысл одностиший, в чем их красота, по-вашему?

— В малой форме все видно намного ярче, чем в большой. Сразу как на ладони культура человека, характер мышления, уровень юмора, чувство языка. Одностишия безжалостны — раздевают человека и многое о нем выбалтывают. В отличие от обычного стихотворения здесь первичны не идея, рассуждение или впечатление, а — игра, парадокс. Условие их существования — внутреннее противоречие, вот чтобы прямо в одной фразе. Благодаря этому, как при вспышке молнии, прорисовывается объемная история. Мигом показываются ситуация, персонажи, их отношения, характеры. Это замечательная игра, и удачный ход в ней встречается смехом и аплодисментами. Одностишия, кстати, — очень заразительный жанр. Многие начинают писать, но далеко не у всех получается. Из интересных авторов я бы выделила Майю Четвертову. И конечно, основателя жанра — Владимира Вишневого.

— Самые любимые у вас есть? Что-нибудь из своего процитируете?

— Вспомнилось сейчас не мое, а как раз Майи Четвертовой: «Ты прав — я умница. Но шубка мне как раз!» А из моего... Ну вот сегодняшнее: «Любовник пришел, а мы с мужем в шкафу».

ИЛИ СЛУШАТЬ МУЗЫКУ, ИЛИ УЖ ТИШИНА

— Вы автор нескольких десятков музыкальных альбомов. Между тем вас почти не услышишь по радио. Ваша музыка — это своеобразный андерграунд. Почему, как вы думаете? Вы сложны для восприятия?

— Совершенно не сложна. Андерграундом я бы себя тоже не назвала... Хотя, вероятно, мои песни требуют от слушателя определенного уровня. Допустим, если сравнивать людей с деревьями, то есть люди-пни. Есть люди — стволы с ветками. Есть — с большими ветками. Есть — с листиками. А есть — с листиками, на которых еще и

тоненькие волоски. Конечно, многие вещи неподготовленный человек может сразу не воспринять...

— А идти навстречу зрителю не хотите?

— Я как фонарь: горю тем, чем горю. Богаче я светить не могу, и так все делаю по максимуму. А делать беднее спектр, приглушать какие-то яркости — я в этом не заинтересована.

— Стили ваших песен можно характеризовать по-разному: рок, фолк, реггей, авторская песня. Какой стиль вам самой ближе?

— У меня нет привязки к стилю. Существуют возможности формы внешней упаковки. Но информационная составляющая внутри вполне едина.

— Какая музыка российских или других музыкантов вам интересна?

— На этот вопрос у меня нет конкретного ответа. Период первичного набора информации давно позади, мне не нужно внешнее топливо, так как хватает внутренних задач. Я не критик и интересуюсь работами коллег по минимуму — чтобы чуть быть в курсе. Зато больше смотрю, как это сделано. А для себя могу включить что угодно: классику, аутентичный фольклор, шуми, электронику, музыку бродячих балаганов, современный авангард, что-то тяжелое. Если скучно — сразу выключаю. А интересно — внимательно слушаю. Как фон для меня музыка не работает: или слушать, или уж тишина.

ЛЮБЛЮ ВАШ ГОРОД ЛЮБОВЬЮ ОСОБОЙ И БОЛЕЗНЕННОЙ

— Вы производите впечатление человека совершенно свободного, раскрепощенного. И как художник, и как личность. Это внешнее впечатление соответствует внутреннему?

— Ну, не совсем так. Я все-таки родилась в городе Верхняя Салда Свердловской области. В обстановке острого отторжения среды. В школе мне говорили: «Ты какая-то не своя, не такая!» В юности я тоже долго себя чувствовала инопланетянином, гадким утенком. У меня, по идее, было очень много причин стать каким-нибудь странным, аутичным существом. Но я все это время изо всех сил шла навстречу себе и окружающему миру. И в общем, много поработала над тем, чтобы выправить последствия того, как по мне проехали детство и юность.

— Сегодня появляется много интересных техник, школ, помогающих, что называется, познакомиться с собой поближе, раскрыть свой творческий потенциал. А у вас есть какой-то совет — как найти свой «путь художника»?

— Знаете, был в детстве такой советский фильм «Москва — Кассиопея». Там был Зов. Его было не видно, но слышно. И когда он звучал, жители планеты шли на него, бросив все. Вот так и с путем художника. Эта не та штука, которая поддается объяснению и планированию. Если ты услышал зов — у тебя нет выбора. Ты или откликаешься на него, или тоска смертная. Есть определенный слой таких фанатов, безумцев, которые идут не зная куда и ищут не зная что. Но ищут и знают, что оно есть. И находят!

— И наконец, о Петербурге. Часто ли вы здесь бываете? Как проводите время?

— Часто. Несколько раз в год. Петербург я люблю, но любовью особой и болезненной. В этом городе я как будто без кожи. Словно попадаю в соседний мир — он более прозрачный, волшебный, непредсказуемый, чем обычный. Тревожный, будоражающий. Мне, как творческой единице, это необходимо. Затвердевшие участки и маски отколуываются, отваливаются. Очень важно, что здесь у меня нет особых социальных связей — я выпадаю из привычного окружения. И конечно, в Петербурге нечеловечески красиво! Раньше я бродила как безумная по улицам, смотрела на архитектуру, на небо, на людей. Теперь у меня есть самокат, и я уже катаюсь как безумная по улицам на самокате. Мне все равно, куда ехать. У меня даже рецепт счастья нарисовался: «Питер, лето, самокат». Хотя я и зимой катаюсь. Поэтому «Питер, зима, самокат» — почему нет, тоже неплохо!